

УДК 130.2

Бекирова Л.С.

ПРОБЛЕМА ТРАДИЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Философия, социология и культурология, по всей видимости, еще не осознали в полной мере, насколько вопрос о традиции задевает сегодня самые различные слои и сферы общества. Взаимоотношения Востока и Запада, мира христианства и мира ислама, стран развивающихся и технологически передовых во многом связаны с их пониманием Традиции. Чтобы эти взаимоотношения не зашли в тупик или переросли в столкновения, необходимо как можно скорее вступить в процесс интенсивного диалога, чтобы в серьезных дискуссиях обнаружить общее и различное в нашем **понимании** этой проблемы.

На рубеже 18 и 19 веков уже был период обостренного внимания к подобной мировоззренческой сфере. Тогда это коснулось преимущественно европейских стран и, чуть позднее, идущей по их пути Америки. Французская революция и последовавшая за ней Реставрация, активные социальные трансформации в Германии, динамичность развития капитализма в различных государствах остро ставили тогда вопрос о преимуществе «прогресса» или «консерватизма», предпочтении нового технократического мышления или прежнего традиционного, что вылилось в столкновение либерализма и консерватизма. При этом последний утверждал, что «традиция выше разума и индивидуальных свобод», а либерализм защищал противоположный тезис.

Как известно, Гегель пытался разрешить указанное выше противоречие путем диалектического синтеза либерализма и консерватизма, предлагая такую формулу: «традиция разумна, а индивид по своей природе ограничен некими трансцендентными запретами». Соответственно и стремление к истине есть не только накопление новых, преимущественно научных и технических знаний (как утверждает философия Просвещения), но и соответствующая прежней традиции продолжающаяся рефлексия над наличными трансцендентальными посылками бытия. Поэтому, подчеркивает Гегель, прогресс и свобода не означают освобождение общества и индивида от традиционных обязанностей, нравственных обязательств и мировоззренческих координат, но знаменуют лишь отказ от социальной нерациональности и критическую рефлексию над неадекватными трансцендентальными предпосылками.

Понимание традиции как разума, по Гегелю, подчеркивает преемственность исторического развития и вместе с тем предполагает активное участие индивида в социальных трансформациях. Критерии разумности, задаваемые трансцендентальными горизонтами познания, история дополняет в продолжение каждой эпохи. Но даже те, кто активно изменяет и расширяет прежние горизонты, обязаны начинать по-

знавательную деятельность внутри нравственных и гносеологических установок, унаследованных ими с помощью традиции.

В эпоху Просвещения утвердилась мысль (которая в последующие столетия становится все более популярной), что главным следствием развития истории является приобретение человечеством возрастающей суммы опытных конкретных знаний и технологических приспособлений. Спустя три столетия мы уже знаем, к чему приводит подобная парадигма - негативные последствия НТР, не контролируемый высшими соображениями нравственности технологический прогресс явился причиной различного вида планетарных экологических кризисов, угрожающих существованию самого человечества. Для Гегеля прогресс не есть возрастание объема знаний, но возрастание разумности, не ломка, а расширение горизонтов познания, в том числе и трансцендентального, на котором вырастает традиция.

Остается сожалеть, что люди, как правило, мало прислушиваются к тому, что говорит философ. Нельзя, заметим, не обратить внимание (имея в виду, кстати, и историю государства СССР) что, по Гегелю, государство не есть нечто внешнее, что способно принуждать человека. Государство - это нравственное сообщество, органическими частями которого являются люди. Воля государства, соответственно, воля людей. Принуждению здесь нет места - или с человеком, или с государством происходит нечто ненормальное.

На рубеже XX и XXI века проблема традиций вновь становится весьма острой, но связана она уже не с вопросом, по какому пути пойдет Европа. Как известно, Европа, а вслед за ней Америка, выбрала либерализацию, демократизацию, конструирование общественных отношений при практически полном, если сбросить со счета влияние религии, отказе от традиций - путь, плюсы и минусы которого к нашему времени очевидны. Ныне это спор между двумя мирами, которые с известной долей условности можно назвать миром Востока и миром Запада. Ход этого спора и его исход может решающим образом повлиять уже не только на будущее Европы, но и человечества, а острота его столь интенсивна, что потенциально (и реально!) перерастает в вооруженные конфликты.

На Востоке, прежде всего в арабских странах, не совершился тот технологический и политический прорыв, который за три последних столетия стал главной характерной чертой европейских государств и США, по существу генетически связанной с Европой. Соответственно и негативные последствия интенсивного прогресса в сфере либерализации и в сфере науки и техники эти страны еще не знают (по крайней мере, в такой степени). Распад института семьи, в том числе разрушение родовых связей («большой семьи»), отчуждение от природной среды и ее разрушение, стандартизация и оскудение духовной жизни, диктат массовой культуры, разгул порнографии - все это, в конечном счете, приводит к деградации личности и благодаря исламской традиции не стало уделом Востока. Естественно, возникает вопрос - не слишком ли высока плата за материальное благополучие? Стоит ли платить регрессом в сфере нравственных ценностей за технократические блага? И вообще, не противоестественны ли природе человека и человеческого общества любые революции, как в области политики, так и в науке и технике?

Известный афинский архонт Солон, проводя реформу в законодательстве древнегреческого полиса в 7в. до н.э., принципиально ничего не изменяя, объединил в одно целое элементы, существовавшие прежде в обычаях народов. И впоследствии он вошел в историю не как реформатор, а как один из семи мудрецов, самых разумных людей прошлого. Древнекитайский мыслитель Конфуций (6-5 в.в. до н.э.) сознательно культивировал традиции прежних времен, если они соответствовали духу современной ему эпохи. Он говорил: «Я передаю, а не создаю. Верю в древность и люблю ее.» В результате старинные нравственные установки и правила поведения, отрефлексированные Конфуцием, легли в основу популярного и ныне учения. А книга Великого Учителя «Лунь юй» или «Высказывания и суждения» на протяжении тысячелетий - настольная книга всякого образованного китайца. Сегодня мы являемся удивленными свидетелями того, как удачно страны конфуцианской ориентации - Сингапур, Южная Корея, Тайвань и т.д - совершают гигантский экономический скачок. Южная Корея, например, за два десятилетия из патриархальной, феодальной страны превращается в современную технологически мощную державу, занимая по некоторым отраслям промышленности ведущие позиции. При этом примечательно, что «...вестернизация и стремительное экономическое развитие последних десятилетий не изменило сознания корейского горожанина, его системы ценностей и представлений о мире» [1, с.43]. Пропагандируемые конфуцианством стремление к порядку, стабильность, культ знаний, уважение к людям, особенно старшим, неуклонное следование высоким жизненным принципам, пунктуальность и трудолюбие оказываются чрезвычайно актуальными в эпоху НТР.

В Европе, начиная с эпохи Возрождения, традиции начинают интенсивно разрушаться - вначале в связи с распадом профессионально-клановых ремесленных и земледельческих групп, а затем (вслед за « процессами глобализации» в рамках государства) на уровне национальных и родовых сообществ. Развитие городов, унификация образа жизни, интенсивные внутригосударственные и межгосударственные миграции приводят к тому, что люди, зачастую жившие прежде на одном месте, в однообразном окружении и в близости к природе, утрачивают свои корни, привычные связи, а вслед за этим - устойчивый уклад жизни, нравственные и мировоззренческие ориентиры. В результате человек, подобно траве под выразительным названием «перекати-поле», оказывается беззащитным перед внешними воздействиями, не приспособленным к ритмам бытия, легко поддающимся чужим (чуждым) влияниям.

Таким образом, маргинальность, эта чума XX века, началась уже несколько столетий назад. В этом столетии она приводит к трагическим и, возможно, необратимым для всего человечества последствиям. Обычно экологические катастрофы, связанные с ними заболевания, перенасыщенность средствами массового уничтожения и т.п. называют демоническими спутниками НТР, считая, что это неизбежная цена, которую люди вынуждены платить за рост производства, комфорт, улучшение условий жизни. Проблема якобы только в том, что это слишком высокая цена и нельзя ее как-то уменьшить. А радикально настроенные граждане считают, что нужно остановить НТР - тогда эти проблемы, угрожающие ныне самому существованию жизни на Земле, автоматически будут сняты.

Между тем, на мой взгляд, этот фундаментальный вопрос должен рассматриваться в другой плоскости, в другом интервале. И причины глобального кризиса цивилизации, и выход из нее лежат не в сфере техники, а в сфере нравственности. Почему некоторые народы и в современную, эпоху сохраняют гармоничной свою среду обитания, а другие - превращают ее в пустыню? Почему в суперцивилизированных государствах экспоненциально растет число самоубийств? Ни техника, а маргинальное сознание - глубинный исток современных пороков цивилизации. Попавший с раннего детства в **устойчивую** систему традиционных нравственно - мировоззренческих координат, человек всегда будет ориентироваться на три основные ценности (независимо от национального колорита, присутствующие во всех древних традициях) - почтение к природе, почтение к жизни, почтение к другому человеку. Прогресс науки и техники, развитие социальных связей должны были лишь придать этим ценностям всеобщий, глобальный характер. Между тем маргинальное сознание породило три других опорных тезиса: «природа не храм, а мастерская», «человек выше и важнее всех других живых существ», «*homo hominī lupus est*».

Уместно отметить, что влияние маргинального мироощущения, становится практически всеобщим в современном процессе тотальной глобализации, при масштабах уже не государственных, а планетарных. В этой ситуации, безусловно, нельзя переоценить роль религиозных систем, в особенности систем мировых религий, поднявшихся выше национальной ограниченности. Нужно отметить, что и христианство, и ислам, и буддизм чрезвычайно близки, ибо исходят, по существу, из общечеловеческих ценностей, которые, как общий фундамент самых различных и экзотических национальных традиций, были одинаковы у всех народов Земли, потому что только так можно было выжить, сохранить себя и род, удержаться на лезвии бритвы между жизнью и смертью. Перефразируя известную фразу Хокинга «мы живем в такой Вселенной, потому что Вселенные другого типа вообще существуют без наблюдателя» - можно сказать «нравственная основа народных традиций такова потому, что сообщества с другой основой уже не существуют».

Но почему мировые религии, эти хранилища духовности в технократическом бездуховном мире, не могут тем не менее полностью возместить отсутствие традиционной апологетики, элементов традиции в современном укладе жизни, заменить собой ту зияющую пустоту, которая образуется в детском и юношеском становлении человека, если утрачены каноны традиционного воспитания? Вопрос слишком сложный, чтобы на него ответить однозначно, но некоторые варианты ответа тем не менее очевидны:

а) универсальность мировой религии, ее унификация, без которой она не смогла бы стать всеобщей, из достоинства обращается в недостаток, когда речь идет о тончайшей спецификации народной традиции, ее связи именно с данной группой людей, живущих в данной среде и занимающихся данной деятельностью;

б) традиция вплетена в самую ткань обыденной жизни, ее тончайшие оттенки соответственно ее воспитательное воздействие постоянно и разнообразно, Христианство, ислам или буддизм - Великий Учитель, национальная традиция - домашний педагог, чье воздействие и на взрослых и на детей нельзя ни приуменьшить, ни заменить чем-то иным;

в) мировые религии, сложившись в определенный исторический период, несут на себе отпечаток этого времени, они пытаются так или иначе учитывать реалии новой исторической обстановки, но инерция идейной и мировоззренческой системы (которая, в известной мере является и ее достоинством) обуславливает определенную и неизбежную архаичность, а традиции тоже хранят неизменно свою сердцевину, но по форме более мобильны и гибки;

г) мировая религия так или иначе связана с государством и социальными институтами, традиции тяготеют к иному полюсу: семье, дому, локальной общине.

В современном мире складывается сложная ситуация: ни утилитарная западная рациональность, тотальное господство которой опустошает и калечит человеческую душу, уничтожает природу, превращает все в товар; ни религиозный фанатизм, предлагающий своим приверженцам путь жестокого самоограничения и отречения от многих благ цивилизации, даже таких как TV, кинематограф, не могут всецело отвечать духовным потребностям личности. Они по-своему стремятся превратить индивидуума в «одномерного человека», сознанием которого легко манипулировать, а главные потребности и ценности которого лежат в сфере материального потребления.

Между тем даже древнейшие традиции предполагают, что основное предназначение человека заключается в том, чтобы он существовал в системе сложного духовного механизма, который осуществляет некую «космическую, космологическую и супракосмическую функцию» [2, с.4]. В этой связи возникает, глобальный по своему значению, вопрос: Существует ли какая-то иная истина, кроме вседозволенности и запрета, благодаря которой человек смог бы себя сполна реализовать как одухотворенное существо?

В поисках ответа на этот жизненно важный вопрос, обратимся к опыту так называемых «малых», «отсталых», «примитивных» народов, которые даже в экстремальных для них условиях смогли выжить и сохранить себя в потоке времени, не растратив при этом своей духовности и национального своеобразия. К тому же вполне возможно, что рано или поздно в истории может наступить такой момент, когда спасение всего человечества будет зависеть от опыта, накопленного культурой таких народов. Исторический опыт крымских татар интересен в этом аспекте именно потому, что соблюдение правил и обрядов, установленных дедами и прадедами, помогают этому народу выработать устойчивую систему ценностей и сориентироваться в житейских, политических и социальных ситуациях как отдельной личности, так и этнической общности.

Ислам проник на территорию Крыма, по некоторым историческим источникам и народным преданиям, уже в первом столетии своего существования, т.е. где-то на рубеже 7-8 веков. Мусульманское вероучение на полуостров завезли сподвижники Мухаммеда - сахабы. Однако ислам не получил широкого распространения среди тюркских народов, которые продолжали поклоняться своему Богу Неба - Тенгри и почитать культ предков. Лишь в 14 веке ислам был провозглашен государственной религией на всем пространстве, завоеванном монголами, от Южной России до границ Монголии и Китая.

Известный востоковед В.В. Бартольд пишет: «Ислам пришел на Черное море поздно, когда его лучшие времена были позади. Область Черного моря знала только тюркский, а не арабский ислам» [3]. Однако, ислам так и не смог окончательно подчинить себе уклад жизни крымских татар, ибо «культура местных жителей была лучше приспособлена к экологической обстановке Крыма, и уже потому ее победа в процессе аккультурации была гарантирована» [4, с.140]. Ислам был принят крымскими татарами в «мягкой» форме, что позволило народу сохранить национальное своеобразие. Традиции и обряды, которых продолжает придерживаться в своем быту народ, в большинстве случаев имеют лишь религиозную форму, а своими корнями уходят в глубину веков, в доисламские времена. Среди них такие обряды как «чилле», «суннет», «дженазе» и др.

Попытки исламских фундаменталистов, которые сегодня все чаще стали проникать на полуостров с целью вернуть мусульман Крыма в лоно «чистого» ислама, воспринимаются национальным сообществом далеко неоднозначно. Народ понимает, что это тупиковый путь развития для него. Исторический опыт выживания крымских татар показывает, что благодаря внедренным в повседневность устойчивым традициям общественного поведения, иерархии жизненных ценностей и т.д., народ сохранил свою национальную культуру, национальное самосознание, не ассимилировался с иными народностями, исповедующими также мусульманское вероучение, к примеру, узбеками, таджиками, с которыми ему долгое время пришлось сосуществовать.

«Человеческое общество - это некая огромная самодавяющая машина, это мириады и мириады людей, не только живых, но и тех, которые жили, дела которых вплетены в сегодняшний день, последствия дел которых работают как некая живая данность, наследие, то что оставлено предыдущими поколениями,» - пишет Гейдар Джемаль [2]. Традиции же представляют собой некий механизм, «аккумулирующий и трансформирующий» столетиями отшлифованный опыт народа, который является их носителем. Термин «традиция» обычно определяют в двух смыслах.

Традиция с маленькой буквы - это некий фольклор, передача определенных сведений, наработок, жестов, элементов культуры, которые в принципе есть ни что иное как коллективная привычка, обычай. Смысл же Традиции с большой буквы заключается в том, что нечто пребывает вне времени и имеет прямое отношение к тому, что пребывает во времени, точнее, (используя высказывание Г. Джемалья), Традиция - это некое явление вневременного во временном, внечеловеческого в человеческом. Поэтому многие фольклорные традиции на самом деле являются «осколками, отголосками забытыми, уже искаженными, не помнящими своей сути отпадения от традиции...» [2].

Традиция - это некая подлинная данность, пребывающая вне конкретного времени, вне поколений, вне истории, но постоянно разными способами культуры открывающая себя во времени и в истории и создающая под себя институты, которые это воспроизведение во времени поддерживают, готовят людей, по своим природным данным способных понимать подлинную реальность традиции, весь ее громадный комплекс. В конечном счете, все общество было в недавнем прошлом, а в некоторых местах мира еще является традиционалистским, традиционным, в котором

вся жизнь подчинена следованию и исполнению Традиции. Поэтому, национальные традиции, вплетенные в общественную жизнь, оказываются более стойкими носителями духовного начала, чем зафиксированные в религиозных установках идеи и принципы. Соблюдение национальных традиций помогает сохранить национальное достоинство, а следовательно, и личное достоинство человека как представителя нации. Традиции, идущие из сокровенных исторических глубин самосознания, оказываются сегодня фундаментальным капиталом народа, успешно овладевающего современной стадией НТР. Этические нормы, заложенные в них, были призваны обеспечить этносу выживание в сложных условиях, устоять перед размывающими основы национального самоуважения влияниями, тенденциями. Сегодня, в начале третьего тысячелетия, сложная компьютерная техника, многотысячные коллективы, необходимость постоянного обновления навыков в условиях экспоненциального роста знаний потребовали от человека тех же качеств.

Таким образом, если для архаичного человека, обладающего мифологическим мышлением, традиции были некоей данностью, то для современного человека они могут представлять осознанную ценность. Выжить, сохранив человеческий социум, может только сообщество. Как показывает опыт японцев, корейцев, караимов, крымчаков, крымских татар и других народов - **национальное сообщество**. В нем духовное начало защищается целым рядом наработанных веками традиций, обрядов и правил, которые позволяли народу сохранить себя в чужеродной среде, противостоять размыванию национального своеобразия, ассимиляции и уничтожению.

История цивилизации свидетельствует в пользу устойчивых архетипов бытия, которые закрепляются волей и усилием наиболее разумной части рода, нации, народа и непременно содержат в сердцевине некую духовную сферу, нравственные принципы и общечеловеческую (т.е. видовую!) мудрость. Община, группа, народность, сберегающая свои национальные традиции, сохраняет те исходные, гуманистические, гомеостазисные природные корни, подлинная роль и ценность которых начинает осознаваться лишь сейчас, на стадии биологического и антропологического кризиса.

Дело в том, что большинство национальных традиций как раз несет в своей сердцевине (вне зависимости от разнообразной фольклорной окраски) идею гармонии с природой и гармоничные (рассчитанные даже на отдаленные последствия) отношения людей друг с другом внутри указанной социальной общности. Например, взглянем, с этой точки зрения на давнюю традицию крымских татар поддерживать теплые отношения даже с отдаленными родственниками. Известно, что в некоторых скандинавских племенах было правилом помнить свою родословную в седьмом, десятом колене и даже в более глубоких корнях. Крымские татары отслеживают своих родственников не столько по временной вертикали, а так сказать, по горизонтали. На свадьбы, дни рождения, похороны обязательно приглашаются до ста и более близких людей. С ними же поддерживаются и периодические дружеские контакты. В результате образуется общность, которую разумно назвать *«большой семьей»* (в отличие от «малой семьи», где, кстати, у крымских татар бывает до 30-40 человек). Большая же семья - это может быть 300 – (и более) - дальних родственников. Существование большой семьи играет буквально роль спасательного круга как в

случаях чрезвычайных ситуаций, так и в ряде затруднительных положений, которые нередки в обычной жизни. Типичным для крымских татар, является пример из послевоенных лет, когда вернувшийся с войны герой - солдат разыскивает всех своих родственников, которых разбросала судьба, и становится надеждой и опорой для племянников-сирот и сестры-вдовы.

Некоторые другие функции «большой семьи» я только перечислю:

- материальная поддержка, играющая существенную роль для молодых семей, не имеющих богатых родителей;
- нравственная поддержка в нередких трагических обстоятельствах;
- воспитание детей, оставшихся без родителей;
- поддержка престарелых, в результате - отсутствие «бездомной старости», брошенных стариков» и т.д.

Уже указанное позволяет сделать вывод о том, что «традиция большой семьи», во-первых, заслуживает сохранения там, где она существовала, а во-вторых, социологам и психологам стоит подумать, как возродить эту традицию там, где она разрушена, ибо гуманизм и естественную природу человека нельзя сбросить, не сохраняя его историческую память. Учитывая и изучая основополагающие национальные традиции, мы лучше понимаем не только прошлое, но и настоящее, и будущее.

Диалог сегодня, таким образом, - это общение, предполагающее интерес к национальным традициям, уважение и внимание к ним, готовность к взаимному постижению основ национального мировосприятия и менталитета.

Список литературы

1. Ланьков А.Н. Конфуцианские традиции и ментальность современного южнокорейского горожанина // Восток.-1996.-№1.
2. Гейдар Джемаль. Традиции и реальность // Философская газета. - М.,2000.- Ноябрь.-№1.
3. Бартольд В.В. Ислам на Черном Море // Соч. - М.: Наука, 1968.-Т.4.
4. Возгрии В.Е. Исторические судьбы крымских татар. - М.: Мысль, 1992.

Поступило в редакцию 6.09.2002.